

опасалась, что ее часто будут вызывать в школу. Но Женя оказался не по годам серьезным и шалости оставлял на свободное время. Он рассуждал так: «Пошалить можно и дома, а в школе учиться надо».

Жене везло на хороших учителей. Еще первая учительница, Людмила Михайловна Важенина, разглядела его способности и сразу поняла Женин характер: на него нельзя повышать голос. Он умел ценить ласку, учеба давалась легко — он любил и точные, и гуманитарные науки. Читал много, запоем, унаследовав эту страсть от мамы. Уже повзрослев, создав семью, он находил время для книг, урывая час-другой ото сна. Потом, поступив в училище, Женя признался: «Как мало я знаю». Стал самостоятельно заниматься английским и за годы учебы овладел им в совершенстве. Когда американцы приезжали в Каунас, куда Женя попал по распределению, они удивлялись: откуда такое знание языка?

Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Тонко чувствовал природу, был чрезвычайно добр к животным. Не мыслил себя без спорта. Девять лет занимался боксом, увлекался восточными единоборствами. Дома всегда были коньки, лыжи, рапиры — легче сказать, чего не было. В старших классах он был секретарем комсомольской организации. В каждое дело вкладывал душу, был перво-классным организатором и выдумщиком.

«Одно он не любил, — признается мама, — водку пить». Оно и понятно: когда так любит и понимает жизнь, зачем ему уходить в грезы?

Любовь Федоровна с детских лет учила своих детей честности, порядочности. И каково же было Женино смятение, когда впервые он столкнулся с ложью и равнодушием: его выставили из Свердловского суворовского училища, куда он поступал после 8 класса, со словами «не годен», даже не заглянув в документы. У него дрожал подбородок: как можно так поступить? И как жить дальше? Ведь **стать военным он мечтал с детства**. С 13 лет занимался в ДОСААФе, к окончанию школы на его счету было более сотни прыжков с парашютом... На какое-то время он потерял цель в жизни. «Что случилось?» — недоумевали учителя. Он не мог учиться.

Любовь Федоровна всегда боялась поте-

рять сына. Но, надеясь в душе, что Женя не поступит в военное училище, успокаивала и поддерживала его. Из Рязанского ВВДКУ, куда он подал документы, вернулись все его земляки, поступавшие после школы. Кроме Жени.

По окончании училища у Жени была возможность сделать блестящую карьеру. Он мог остаться преподавателем в училище или в числе четверых выпускников стать личным телохранителем М.С.Горбачева. Но он выбрал третье.

«Меня назначили «ванькой-взводным», — писал он матери и был этому несказанно рад. «Начинать надо с низов», — говаривал он. Так же воспитана и его сестра Елена: окончив школу с золотой медалью, она пошла в медучилище, окончила его, теперь заканчивает обучение в Медицинской академии...

Сначала после окончания училища Женя собирался поступать в Академию, но выбрал службу в войсках. Уже находясь в Каунасе, написал заявление направить его добровольцем в Афганистан. В это время ему пришел вызов на учебу в Академию, но учебу он отложил до лучших времен.

В стране вспыхивали одна за другой «горячие точки»: Нагорный Карабах, Абхазия, Северная Осетия. А это значит — впереди десантники, а впереди десантников — разведка. Евгений Родионов был разведчиком.

Любовь Федоровну Женя нежно берег. Лишь по случайно оброненным фразам она понимала: снова где-то был. А он все отшучивался: «Да был тут в одном месте, грелся на южном солнышке».

Говоря о том, что мать никогда не прочитает о нем в «Красной звезде», Женя был прав: ни о спецназе, ни о десанниках в газетах не пишут. Ведь он был высокопрофессиональным разведчиком. Его позывным была «Истина». И целый год дудаевцы безуспешно гонялись за неуловимой «Истиной». Какие уж тут газеты.

Но Женя ошибся. Однажды, открыв «Красную звезду», Любовь Федоровна увидела и имя сына. Это был рассказ о совершенно фантастическом мужестве 16 десантников, противостоящих 600 дудаевским боевикам под Шатоем. Рассказывая о подвиге наших